

Номинация в он-лайн Журнал "Живая Лента". Конкурсная подборка лауреата Международного литературного конкурса "5-й открытый Чемпионат Балтии по русской поэзии - 2016".

Ольга ЗЛОТНИКОВА, Минск (Беларусь)

МИХАИЛ, ДАНИИЛ, ДАВИД, МОИСЕЙ, ИОСИФ

* * *

Здесь волглое небо, глубокое горе,
стоит во дворе похоронный автобус.
Хоронят парнишку-соседа, Егора,
и мир замедляется, маленький глобус

небрежно, легко подтолкнули рукою,
как будто дешевый резиновый мячик –
крутился-крутился и замер покоен,
недвижный и тихий, как цинковый мальчик.
Ходили в один детский садик и школу,
играли в разбойников, фишки, пятнашки,
коллекцию крышечек от кока-колы
меняли однажды на красные чашки.
...В автобусе красные занавески,
у мамы с отцом обескровлены лица.
Пытаюсь расплакаться, щедро, по-детски,
а хочется просто сбежать и напиться.
Егорка, Егорка, светло тебе спится?

Михаил, Даниил, Давид, Моисей, Иосиф

Столетье-подросток, но как кроваво!
Молодая гидра с сонмом голов:
пятнадцатилетний мальчик, боец Исламского государства
и толстый парнишка в центре Европы,
в доме, наспигованном техникой, как тротилом,
и беременная африканская девочка,
голодная и худая,

и новый комсомолец, отважный стукач,
и тихий забитый ботаник,
и молящийся отрок из прошлых веков,
забавный анахронизм, адепт Достоевского,
милый Алёша.

В моем столетье, наперекор здравому смыслу
с его ледяным цинизмом,
наперекор времени, схватившему себя горло,
с какой-то тоской дремучей, трагической иронией,
с дрожью в голосе и прочими приметами
отчаянья, страха, надежды
называю сыновей библейскими именами:
Михаил, Даниил, Давид, Моисей, Иосиф.

За стеной дребезжат колонки, время орет и стонет,
время долбит по нервам девятичасовым перфоратором гнева,
в ужасе, в любовном экстазе, в пылу рукоприкладства,
в каждой квартире типовой блочной многоэтажки.

Младенец спит безмятежно в самом сердце периода сходств,

похожий одновременно на отца и на мать,
на прапрадеда-поляка из Западной Беларуси
и на прапрадеда из Гомеля, грустного выкреста
с пожелтевшей фотокарточки, служащего железной дороги.

Младенец Михаил, Даниил, Давид, Моисей, Иосиф.
Каждый светловолос, как истинный беларус.
А время грызет уголки старых фотографий и книг.
Помнишь собаку Мирру, игривую суку, голубоглазую доберманшу,
худую и доверчивую, как беспризорный ребенок?

Каждая тварь корнями уходит в небо,
каждая тварь кроной подметает землю.
Дворник Ахмед, грустный таджикский парень
в чужой неприветливой стране,
сметает пожухлые листья –
свой многострадальный род, разбросанный по земле –
в Освенцим памяти.
Но время вытравит даже память.

Время моё, никто никому не нужен.
Ван Гог на салфетках в придорожном кафе,
памятные магниты на холодильнике,
в глянцевом мире глянцевые имена,
и старость на задворках сознания,
и смерть, о которой не принято вслух.

Время моё, бабочка-однодневка,
в углу коридора осыпаются твои крылья –
домашняя пыль и только.
Мальчик-подросток горит в аду монитора
за чьи-то грехи, не слишком о них заботясь,
а я называю сыновей библейскими именами:
Михаил, Даниил, Давид, Моисей, Иосиф.

* * *

Здесь даже зверь, себя преодолев,
стал человеком в облике зверином,
и в яслях спит его младенец-лев,
и львица-мать укачивает сына,
как ночь – новорождённую звезду.
Открыто всё: дома, амбары, хлев,
и лев с козлом резвятся на земле,
и юноша, сидящий на осле,

беспечно напевает ерунду,
и юноша играет ду-ду-ду
на деревянной дудочке-свирели,
и время проплывает еле-еле,
как пёрышко, выско над землёй...
Какая это глупость, Боже мой!
И тут же выпадаешь из постели
в предзимний непроявленный рассвет:
стоят солдаты «да», «не знаю», «нет»,
и каждый непременно – только на смерть.
Разгонишься, упрешься – и привет,
и хорошо хоть – не поднимут на смех,
но будут долго, пристально смотреть,
как ты живешь на четверть и на треть:
беднее всех, виновней – хуже всех.

